ИВАН БУРКИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЧЕРНОГО В БЕЛОЕ

ИВАН БУРКИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЧЕРНОГО В БЕЛОЕ

1972

Обложка работы художника
Николая Сафонова

Manufactured: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

КИТАЙСКАЯ ВАЗА

1

Лето

Степное колючее лето.
Какой замечательный вид:
Подсолнух в чинах, в эполетах
На вытяжку, смирно стоит.

Такие здесь, видно, порядки.
Как тихо, как сонно вокруг!
Оставив одежду на грядке,
В земле закаляется лук.

Такая здесь, стало быть, мода:
Арбуз, без особых забот
Откормленный розовым медом,
На солнышке греет живот.

Часы здесь ползут как тюлени.
В часу здесь сто двадцать минут.
А пруд — это зеркало лени,
Обломовщина, а не пруд.

В халатах здесь стеганных куры,
Цыплята в коротких штанах,
А здешний петух Троекуров
В мундире и при орденах.

И утки здесь словно кухарки —
В передниках и босиком.
Вихрастые Ваньки, Захарки
На палочках скачут верхом.

2

Весна

Отпустив на волю с Богом реки
И пристроив к делу семена,
Незабудкам поднимает веки
Между дел прилежная весна.

Я давно заметил ее планы.
Видел я, ленивый человек,
Как она, спустившись на поляны,
Разгоняла прошлогодний снег.

Между дел, во время перерыва,
Когда люди то едят, то спят,
Утирала она слезы ивам
И опять спешила в ближний сад.

Распаковывала спешно почки,
Разговаривала ласково с грачом,
Вынимала клейкие листочки,
Запечатанные красным сургучом.

А потом как будто мимоходом,
По пути куда-то, на ходу,
Перед всем, что есть честным народом,
У широкой массы на виду

Сорвала с подснежников повязки.
И закончив важные дела,
Всем анютиным прекрасным глазкам
Брови и ресницы подвела.

3

Дождъ

Дождь упал и сделал дырку
На поверхности воды,
Повернулся словно циркуль,
Округлил свои следы,

Приложил собственноручно
Свои лапы, а потом,
Как всегда, благополучно
Приземляться стал кругом.

Все измерил взглядом метким
В ширину, потом в длину —
Дом, меня, мою соседку.
На веранду заглянул,

Стукнул в дверь, в окошко клюнул,
Перепрыгнул частокол,
Всех на свете переплюнул,
Всех буквально превзошел.

Долго целился в бутылку,
По ветвям открыл пальбу,
Щелкнул Петю по затылку,
Тех, кто с Петей был — по лбу.

А других совсем не тронул,
Как-то мимо пролетел.
А на глупую ворону
И взглянуть не захотел.

4

Первый снег

Всю ночь термометр щупал пульс морозу.
Весь день боролись минус, ноль и плюс.
И если плюс поддерживала проза,
То минус ждал сочувствия у муз.

То ветер выл, то шли седые тучи.
А он все медлил и чего-то ждал.
И выбрав в сумерки удобный случай,
Свалился с неба словно Божий дар.

Но он забыл нас известить заране.
Свалился с неба как с лежанки кот —
Такой пушистый, с звездочкой в кармане,
Что из кармана тихо слезы льет.

Он был с иголочки: и новенький и чистый.
Одна беда: был белой ниткой шит.
Как все небесное — со звездочкой пушистой,
Что по-небесному и тает, и дрожит.

Он в первый вечер был таким послушным:
Свалившись в пять, уже в шестом часу
Он относился к нам неравнодушно,
Но хладнокровно таял на носу.

Он вскоре занял целое предместье
И, покорив сердца всех горожан,
Попал с войной в последние известья
И отодвинул все на задний план.

ПАНОРАМА

Колокольчики, венчики, стежки.
Вот она полосатая ширь.
В град престольный — кривые дорожки,
И прямые дороги в Сибирь.

То встречает часовня с иконой,
То опять без икон ширина . . .
То тряхнет вдруг малиновым звоном
Белокаменная старина.

То подкрадется вдруг деревенька,
То поднимется рожь во весь рост,
То подскочит вдруг на четвереньках
Неожиданный дедовский мост.

То калика спешит перехожий,
То калека с Байкала — с сумой,
То солдат, на себя не похожий,
Возвращается с фронта домой.

Где-то слезы льют Марьи Моревны,
Где-то старцы, а здесь старики.
А лягушки и вправду — царевны,
А Иванушки — все дураки.

Льются песни и — все про лучину,
Про свечу, что вот-вот догорит,
Про такую родную дубину,
Что как ухнет, то чудо творит.

Там в лесу ковыряется Кама,
А здесь Волга уходит в пески.
А там Дон . . . Вот она панорама
Вековой полосатой тоски.

И опять колокольни, погосты,
Незабудки, платочки, кресты,
Словно сфинкс роковой перекресток.
Чудеса в решете и мосты.

И опять журавли и заборы,
И опять рукоделие трав,
И опять про кресты и просторы
Семиструнный поет телеграф.

И опять — не кресты, так курганы,
Не леса, так опять бобыли.
Перекрестки, кресты и туманы,
И куда вы нас всех завели?

БАЛЛАДА О МОЕЙ ТЕНИ

И подобно привиденью
По ночам держу я путь:
За своей огромной тенью
Я хожу как лилипут.

Я и тень. Нас только двое.
Тень идет, и я иду.
Тень как будто под конвоем:
Тень идет, а я веду.

Тень шагает без оглядки,
Как ее ты ни зови.
У нее свои повадки,
А привычки все мои.

У нее мои замашки.
И в числе других вещей
Образ жизни мой домашний
Перешел, наверно, к ней.

У нее свои манеры.
Этим я не удивлен.
Но вот есть ли чувство меры —
В этом я не убежден.

С этой тенью лишь заботы,
Сколько с ней одних хлопот!
Где нельзя и где verboten —
Там она перешагнет.

Головой ли покачаю
Иль махну на все рукой —
За себя я отвечаю,
Но за тень ответ не мой.

Мои руки безопасны,
Сердце песней не кривит,
Но у тени странный паспорт
И немножко страшный вид.

Или тень мне надоела,
Или я ей надоел,
Или я хожу без дела,
Или оба мы без дел, —

Разобраться очень трудно,
И не ясно по сей день,
Кто в безделье обоюдном
Ближе к делу: я иль тень.

То плетемся вдоль забора,
То толчемся у дверей.
По какому уговору,
Где встречаемся мы с ней?

Не замешан ли лукавый?
У кого бы мне спросить,
По какому это праву
Должен я за ней ходить?

По какому это делу
Иль без дела просто так
Тень штаны мои надела,
Мою шляпу и пиджак.

Неужель у нас до гроба
На двоих одни штаны?
Неужель в одну мы оба
Безнадежно влюблены?

СТИХИ О ЖИВОТНЫХ

Мальчикам Толе и Пете

1

Слон

Как будто земля для него половица,
Как будто бы пропасть с обеих сторон,
Как будто сквозь землю боясь провалиться,
Идет осторожной походкою слон.

Тяжелые ноги похожи на сваи,
На них как цистерна положен живот.
Земля, свое детище не узнавая,
Слона на плечах своих гордо несет.

Природа над ним, видно, долго пыхтела,
Мудрила, наверное, тысячи лет.
Что стоило вылепить ей его тело,
Что стоило выдумать только скелет!

Такой, чтоб служил он надежной основой
Слону и слонихе, чтоб видел весь свет,
Что он не простой, а из кости слоновой,
Во всех отношениях прочный скелет.

И чтоб навсегда завершить свое дело —
Не возвращаться к слону еще раз —
Природа на морду слоновью надела
Свой прочный резиновый противогаз.

2

Верблюд

Не урод, не инвалид
И на всех ногах стоит.
Повторяю: не урод,
Все на месте, даже рот,
Даже хвост и даже брюхо,
На своих местах два уха.
И одет он, и обут.
Почему же он верблюд?
Почему же, почему же?

Он слона ничуть не хуже.
Никуда он не спешит.
Почему он вас смешит?
Взял и ростом, и сложеньем,
И печальным выраженьем
Очень томных карих глаз.
Почему смешит он вас?
Взял и весом. У верблюда
Один горб — четыре пуда.
Если взвесить и другой,
Вес получится большой.
А из шеи хоть для феи
Можно выкроить две шеи.
Грива вот чуть коротка,
Но кишка не так тонка.
Словом, чем он не хорош?
На себя всегда похож.
Я прошу вас, господа:
Уважайте верблюда́!

СТРАНИЦА ЛЮБВИ

Я помню, в то лето шиповник колючий
Старался вовсю, пока весь не расцвел.
Старалась судьба, позаботился случай
И принял участие в нас произвол.

Но больше всего был обязан я лету.
Я с августом месяцем близко знаком
И в возраст опасный въезжал без билета,
Без дома, без опыта, порожняком.

Я только что вышел из храма науки.
Бил ветер в лицо. Колыхался вагон.
Я ехал курьерским в губернию скуки.
Жара нестерпимая шла на рожон.

Широкое поле. Широкие плечи
Овса и того, кто стоял за овсом.
И чтобы тут не было противоречий,
Я сразу добавлю к ним грудь колесом.

Теперь все понятно — все без исключенья, —
И цель с ясным куполом недалека.
И к месту уже своего назначенья
Несутся на всех парусах облака.

И вдруг оказалось: во всем совпаденье,
Величество случая: я в отпуску
От скуки давился в каких-то владеньях,
А ты разгоняла от скуки тоску.

Потом разъяснилось: не только угодья,
Не только рогатый и разный там скот —
Породистый кот и его благородье
Страдали от косности и от невзгод.

Об этом коте, о тех кошках и мышках
Придется писать и писать много раз.
Но кот в тех владеньях был главная шишка,
С которой всегда начинают рассказ.

Тот август не мешкал. Он был наготове.
Он яблоки выслал, как нужно, вперед.
Он грушами сам угощал всех в Ростове,
Тогда как Самара ждала свой черед.

И случай помог сверхъестественной силе
(Иль это был скуки прямой результат?):
Прямые пути наши как-то скрестились,
И в точке скрещенья был, кажется, сад.

Был, кажется, полдень. Как будто суббота.
За день не ручаюсь. Быть может, четверг.
С меня друг за другом скатились три пота,
И только что полдень в четвертый поверг.

Но все это мелочи. Птицы и птички,
Цветы и цветочки составили фон,
И старое солнце по старой привычке
На нем разыгралось, забыв небосклон.

Не буду вдаваться в подробности слишком.
На фоне, который я нарисовал,
Уйдя с головой в очень толстую книжку,
Сидел очень тонкий, но мой идеал.

Нужны ли теперь описания сада?
Ведь клятвы важнее. Но помнится мне,
Что мы обменялись лишь клятвами взглядов,
И этого было довольно — вполне.

Не правда ли странно? Но много ли надо
Сердцам одиноким в забытой глуши?
Неосторожная искра из взгляда,
И в сердце пожар — и вот потуши!

Пора перейти нам из сада в беседку,
Наткнуться на тетку и в этот же миг,
Минуя весь мир, отстранив пятилетку,
Пуститься от яблок к любви напрямик.

Но где-то ведь нужно нам остановиться?
На озере что ли подумать всерьез?
То озеро было из тех очевидцев,
Что смотрят на сцены объятий и слез.

То озеро видело в жизни немало.
Замнем тут для ясности несколько дней,
По той же тропинке вернемся к началу,
И сразу все станет ясней и видней.

Тот август тонул весь в полях, в огороде.
И так как он плавать еще не умел,
Его выручали то кисти, то грозди,
То вилы, то грабли, то тысячи дел.

Его опекали брусника и клюква,
Он рвался на волю к опушке лесной.
Я помню, писался он с маленькой буквы,
Достоин же все-таки был прописной.

Ты разве забыла, как в эту же пору
По странной случайности как у Дюма
Сам климат влюбился в красавицу флору,
А флора была от него без ума.

Как день рассыпался от множества новшеств,
Как сыпались краски с вечернего дня,
Как падали тени под тяжкою ношей,
И некому было с земли их поднять.

Как мир первозданной, нетронутой суши —
Весь мир необъятных обширных чудес, —
Став в очередь, дабы чего не нарушить,
Со всем багажом своим в озеро лез.

И как горизонт сторонился всех конных,
А пеших к себе звал. Но всех остальных —
Не конных, не пеших, а только влюбленных —
Оставил в покое и скрылся от них.

ПРОГУЛКА

1

Опять в снегу лежит мир Божий,
Опять кусается мороз.
Идет по улице прохожий —
Идет прохожий синий нос.

Идет он тихо, беззаботно.
Он с этой улицей знаком.
От мира внешнего он плотно
Закрыл свой мир воротником.

Он не богат и он не беден,
Не вор, не нищий, не урод.
Он не опасен и безвреден
Как лев чугунный у ворот.

Он, как и все, в былые годы
Имел понятия и вкус.
На вкусы шли его расходы,
И при долгах крутил он ус.

Порою он стремился к цели.
Задачи сами шли, и он
Без задней мысли на постели
Мечтал, что он — Наполеон.

Но годы шли. Судьба бросала,
И он отскакивал как мяч
От городов и от вокзалов,
От всех решений и задач.

Затем задвигались событья,
И он, как всякий фантазер,
Сквозь эти годы красной нитью
Прошел в пустынный коридор.

Пора б ему остановиться.
Куда идти? Но пешеход
Идет и хочет убедиться,
Что он на улице живет.

Хрустит подлунная дорога,
И на прогулку вышел снег.
Глядит в пустые руки Бога,
Грустит прохожий человек.

Грустит и верит в Божьи руки
И даже в Божью пустоту.
А в пустоте мелькают брюки
И подметают темноту.

Вон на углу фонарь в ермолке,
А если дальше заглянуть —
Там ели в белых треуголках,
И что-то светится чуть-чуть.

А вон огромною морковью
Труба фабричная растет,
Дымит кому-то на здоровье,
Пуская дым всю ночь в расход.

А вот мозаика развалин.
В ней до костей обнажены
И стены бывших тихих спален,
И мир уютной тишины.

А то, что дальше — бесподобно.
Под кучей пыли и камней
Возник из пепла мир загробный
Не в шесть, а в пять коротких дней.

Нарушив строй кромешной ночи,
Один средь ночи, как на грех,
Румяный Дед-мороз хохочет
На черной улице за всех.

Да рядом с ним кричит афиша,
Нацелив грозно пистолет.
Куда идти? Подняться выше?
Но правды выше тоже нет.

И небеса как двор тюремный.
О этот звездный винегрет!
О этот бедный, подъяремный
И крепостной вечерний свет!

Уж не запеть ли по-старинке.
Всему конец. Всему капут.
Почем теперь на черном рынке
Эрзац-Европу продают?

А снег танцует до упаду.
Морковь дымит, несется в высь.
Звезда, зажги свою лампаду
Или сама скорей зажгись.

Идет по улице прохожий,
За ним плетется тихо вслед
Усталый, бедный, чернокожий
Прохожий мирный силуэт.

2

Пока над миром кружат бесы
И поднимают тарарам,
На воротник свой нос повесив,
Я подхожу к своим дверям.

За дверью тьма в вечернем платье.
Мне суждено в расцвете лет
Принять в раскрытые объятья
Той тьмы вечерний туалет.

Как голубь, выпущенный Ноем,
Вернулся некогда в ковчег,
Так в дом с отрубленной стеною
Я возвращаюсь на ночлег.

Мой дом стоит. И это важно,
Что он стоит, а не исчез,
Что бомба лишь пятиэтажный
Продольный сделала разрез.

Другие стены поцарапав
Да окна выбив сгоряча,
Она своей железной лапой
Рубнула все-таки сплеча.

Но дом стоит. Чего мне боле?
Пока он держится, пока
Трещит и корчится от боли,
Я в нем валяю дурака.

Мне надоели жизнь без крова,
Постылой смерти мишура.
Судьба в нем в образе подковы
Со мной проводит вечера,

Храня оставшиеся стены
Да мой дырявый потолок.
Он тих, он в возрасте почтенном
Мой оскорбленный уголок.

В нем проходило чье-то детство
Среди невидимых забот,
И скука шла в нем по наследству
Из века в век, из рода в род.

В нем скука пахнет нафталином,
И на подушках вечный снег.
Подушки в нем неповторимы —
Неповторим немецкий снег.

Семейство дружное предметов
Вселилось в маленький альков —
Три поколения портретов,
Два века шляп и сюртуков.

Диван в поношенной порфире
Еще дичится бедноты.
Я квартирант в солидном мире,
Сосед солидной темноты.

Давным-давно соседи-мыши
Семейный создали уют.
Они меня совсем не слышат,
Моих шагов не признают.

А за окном, за облаками
Все та же зимняя луна.
Мороз, прищелкнув каблуками,
Стал как ефрейтор у окна.

Мороз, давнишний мой приятель!
Подвинься, друг, мне надо спать
Во имя ночи и кровати.
А завтра утром надо встать

Во имя завтрашней погоды,
Которой некогда уснуть,
Во имя завтрашней природы,
Кого-нибудь, чего-нибудь.

Во имя встречных-поперечных,
О ком пора бы забывать,
Во имя малых, бесконечных,
Чему и быть и не бывать.

3

Пока над миром бесы кружат,
Скажи мне, муза, перед сном

О том прекрасном добром муже
Прекрасным добрым языком.

Чтоб я с ним в бездну опустился,
В ее сокровища проник,
И чтоб из бездны возвратился
С улыбкой мрачный мой язык.

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ЯМБЫ

1

На берегах морей и рек
Цивилизация теснится.
Гнездятся камни, человек,
Грызутся страны и границы.
Когда же кончится мытарство
Зеленых рек и желтых гор?
Там ноги протянуло царство,
И развалился здесь простор.

Когда же кончится игра
Больного случая с Европой?
Вот остров — тоже чей-то край —
Лежит как вошь под микроскопом.
Дрожит, шевелится в пучине
Событий, волн, и как на зло
Его от суши отлучили
И на морях не повезло.

Ревет пространство как медведь
На мачты и на капитана.
На корабле, коль посмотреть,
Пять стран сидят на чемоданах.
На корабле такая каша!
Еврей с молитвой, русский князь,
Поляк, богема, гетто, каста —
На корабле так много нас!

На корабле есть русский дух,
Который тоже вроде каши.
По кораблю прошелся слух
Большой, серьезный как папаша.
Гарцуют волны целой свитой,
О берег стукаются лбом.
Иные волны как джигиты
Садятся на берег верхом.

Теснится небо между крыш.
Толкутся звезды где попало.
Какой в них толк, какой барыш?
И много звезд, но толку мало.
День приближается к Нью-Йорку,
Вернувшись вновь из дальних стран.

Но почему же на задворках
Ютится Тихий Океан?

Оставив юг на произвол
Судьбы и волн, жары и ада,
На север, словно как на стол,
Облокотилася Канада.
Держась почти на честном слове
И еле сдерживая крик,
Вот-вот и к бездне в изголовье
Сорвется южный материк.

Однако в этом нет беды,
И беспокоиться не надо.
Вот к вам выходит из воды
С зажженным факелом наяда.
На берегу, еще в тумане,
Во власти дыма, грез, монет,
Шурша кредитками в кармане,
Уже забрезжил Новый Свет.

И вы, ступив на материк,
Становитесь де-факто членом,
Частицей всех неразберих,

Де-юре — стали вы джентльменом.
Но осмотревшись постепенно,
Вы замечаете кругом,
Как друг на дружку лезут стены
Поодиночке и гуртом.

Вам улыбается плакат,
К вам направляется гримаса,
К вам льнет густой, как облака,
Колючий запах масс и мяса.
За вами ходит еще ветер,
Хотя нужны вам рычаги:
Вы делаете в Новом Свете
Слепые, первые шаги.

Вы начинаете смотреть
Вещам в лицо и даже в корень,
Но пусть вы десять раз мудрец —
Вас вещи могут объегорить.
Вы различаете цистерну,
Потом огромный грузовик,
Ваш взгляд уперся прямо в стену,
И небоскреб — ваш визави.

И мысли некогда вздремнуть,
И небоскреб струится рядом.
Но нужно несколько минут,
Чтобы измерить его взглядом.
Пока до крыши взгляд достанет,
Пройдет минута или две.
За это время десять зданий
С ним вдруг окажутся в родстве.

Пока опомнитесь, на вас
Другие зрелища насядут.
То сядет зрелище анфас,
То зрелище насядет сзаду.
Вы защищаетесь до пота.
Напрасно все: куда ни глянь,
В глаза бросается с налету
Мостов грохочущая ткань.

Мост переходит реку вброд.
И там, где нет совсем дороги,
Он все равно куда-то прет
Чудовищем членистоногим.
Он все равно пройдет по суше,
Над морем крыш, потом с высот

Цивилизованные души
Опять на землю повернет.

Железо терпит, но бетон
Терпеть откажется и треснет.
И что же дальше? Что потом?
Потом — уже другая песня . . .
Вас ждут сюрпризы, не рутина.
И если вас не удивит
Вначале данная картина,
То ошарашит чей-то вид.

Этаж косится на этаж,
И глазки строят манекены.
Они оделись в трикотаж
И набивают всюду цены.
На шерсть, на хлопок и на кожу.
Как изменились времена!
Цена на кожу и на рожу —
Всему есть красная цена!

Как можно жить нам без цены
Иль подвергать сомненьям цену?
Не рассуждай, купи штаны,

Как полагается джентльмену!
На то есть лавки, магазины,
Товар лицом, товар спиной,
Товар-металл, товар-скотина,
Товар с хвостом и хвост с ценой.

Товар средь мраморных палат,
Увы, и на пути к клозету
Стоит с товаром автомат
И гонит чистую монету.
Товар везде — какой угодно.
Товар всех марок и мастей,
Товар для сытых и голодных,
Товар для пальцев и ногтей.

И если он наметил цель,
Идет к ней верно и упрямо.
И если цель войдет в отель,
За ней спешит туда реклама.
Заняв командные высоты,
Все подступы и рубежи,
Реклама бьется как пехота
За каждый дом, за этажи.

И днем и ночью тут и там
На удочку всех ловит мода.
Днем ходит мода по пятам,
А ночью не дает прохода.
От моды нет нигде спасенья.
Она догонит вас везде:
На берегах, в садах, в бассейнах,
Везде: на суше и в воде.

Имея очень гибкий стан
И на успех большие шансы,
Она залезет к вам в карман
И потревожит все финансы.
Ах, ныне мода как русалка!
Она не кутается в шаль.
Посмотришь — ничего не жалко!
Хотя потом бывает жаль . . .

2

Начав рабочий день свой рано,
Нью-Йорк часам к пяти-шести
Идет домой и в рестораны,

Опять жует, опять хрустит.
Он в это время на ногах,
Он в это время на колесах.
Нажав на вас, нажав на газ,
Хрустят плащи, жуют калоши.

Хрустят банкиры, почтальоны
И все профессии подряд.
Хрустят, конечно, миллионы
Но больше всех нули хрустят.
Нью-Йорк — как улей для нулей.
И он не создан для баланса.
В банкроты прут кому не лень:
Баланс балласта не боялся.

Но вечер ждет и медлит где-то
И не решается войти:
У тьмы здесь нет авторитета,
Хотя есть гайки и винты.
Зато уже сверкнул Бродвей.
Пора решаться на решенье:
В китайской грамоте бровей
Ломать и голову, и шею?

Сейчас сверкнут огни напитков,
И зарумянится коктейль.
Блеснут плешивые убытки
От ослепительных локтей.
И чья-то плешь шутя сверкнет,
За ней блеснет осколок речи,
И в лысину как бы в окно
Заглянут нос и чьи-то плечи.

Припасов разных тут касаясь
И главным образом съестных,
Коснусь и писаных красавиц,
А заодно и расписных.
Их здесь витает целый рой,
И все с витающей улыбкой.
Одни — ну, скажем, на большой,
Другие — на большой с присыпкой...

А звезды сцены и экрана!
Каким опишешь их пером?
Звезда — не Ларина Татьяна,
Звезда — загвоздка здесь во всем.
Но тем Бродвей и знаменит,
Что звезды льнут к нему как мухи.

Что ни звезда — то свой магнит,
Что ни магнит — то свои муки.

Не знаешь, как сказать по-русски,
Когда подробностей сумбур
Летит на сцену и в закуски,
Но à la carte — всегда l'amour.
Не помнишь, где ты — в кабаре
Или в подобном заведенье?
Вот и боишься: на дворе
Придраться может сновиденье.

Когда же снова луч денницы
Заденет боком небоскреб,
Встают нули и единицы
И иже с ними. Встанут сноб,
Бухгалтер, лавочник, скрипач,
И, ночь проспав, проснутся краски.
Лучи денницы заскрипят,
Чтоб осветить все до Аляски.

Разложат все богатство сутки,
И бедность высунет свой нос.
Пойдут по свету предрассудки,

Появится на слухи спрос.
И не пройдет еще полдня,
Как вспыхнут страсти у колосса.
О, колоссальная возня
Продажи, сбыта, сноса, спроса!

Возня в зубах, возня в желудке —
Какой у ней диапазон!
Нью-Йорк прожевывает сутки
И переваривает сон.
Часы бегут, как беглецы
Бегут порою из-под стражи.
Проходят дни, но их концы
Торчат то в купле, то в продаже.

На слухи спрос как на сосиски,
И тот, кто знает в жизни толк,
Добавит к слухам рюмку виски
Не за наличные — так в долг.
А в остальном — все будет так,
Как было при царе Горохе.
На круглый бедный четвертак
Все шишки свалятся с эпохи.

Эпоха тем и знаменита,
Что смотрит лишь в чужой карман,
Живет все время паразитом
На теле всех здоровых стран.
А в остальном — придут дожди
И вновь уйдут и вновь нагрянут,
И день откроет у нужды
Незаживающую рану.

Я ЧИТАЮ ШЕКСПИРА

(Две главы из поэмы)

1

Жалеть еще рано,
Надеяться — поздно.
Душа под охраной,
Надежной и звездной.

Смотрю я тревожно
На город старинный,
Живу осторожно,
Пью чай с сахарином —

Без масла, без сыра.
И даже без ера
Читаю Шекспира,
А с ером Гомера.

На улице сыро,
На улице грязно.
Дела у Шекспира
Идут безобразно.

На улице серо,
На улице стужа,
Дела у Гомера,
Пожалуй, похуже.

Надежды на осень
Совсем небольшие.
И в девять, и в восемь
Погода фальшивит.

И тонкий, и тощий,
Но смелый и рьяный
Копается дождик
В сыром матерьяле.

И в мире порочном
Деревья как дети
Всерьез иль нарочно
Сидят на диете.

Деревья худеют,
Стареют ботинки,
Гуляют злодеи
На старой картинке.

Живу очень скудно,
Все просто и ясно.
Минуты, секунды
Идут как по маслу.

Живу даже праздно
И вот без привычки
Весь «мир буржуазный»
Беру я в кавычках.

Судьба моя прочная,
Душа не шкатулка,
Но сыплется прошлое
Как штукатурка.

На фоне разрухи
Мне некуда деться.
Беру себя в руки
Как будто младенца.

На фоне разрухи,
В преддверьи зимы,
Беру свои руки
Как будто взаймы.

Хочу свои муки
Пока отложить,
Хочу свои руки
Себе предложить.

Приблизится вечер,
И мой однокашник
Влетает как ветер
Со мною покашлять.

Судьба нас столкнула
Под крышей вокзала,
Рукою махнула
И жить приказала.

Приятель серьезный.
Прекрасно воспитан,
В боях грандиозных
Как будто испытан.

Следит он за прессой,
За ходом событий,
С большим интересом
Лежит как убитый

Часами и днями
На старенькой койке.
И дружба меж нами
Не гаснет — и только.

Слывет эрудитом.
Большой теоретик.
Он в жизни сердитый —
Чудак на портрете.

Цитирует Ницше,
Но хвалит Спинозу.
Стихам изменивши,
Он врезался в прозу:

И в Джойса, и в Пруста.
В его же кармане
И тихо, и пусто
Как будто в нирване.

Сидим мы, законно
Весь вечер болтая.
Затронем спокойно
Границы Китая.

Политику тори
Тихонько затронем,
Немного повздорим
О царстве, о троне.

Походим, присядем
И снова скорее
От тори с досадой
Вернемся к Корее.

Порою с Кореей
Сидим до рассвета.
Корея не греет,
Но мысли согреты

Горячей беседой,
Голодным желудком
И ночью оседлой,
Осенней и жуткой.

Мы ищем ответа,
Мы ставим проблемы.
Проблемы как ветры,
В ответах пробелы.

2

Приятно жить в Баварии,
А выйдешь из пивной —
Приятно разговаривать
С неглупой тишиной.

А выйдешь из терпения —
Еще один есть путь:
Иди в стихотворение
И сделай что-нибудь.

До чего же все странно
До чего же смешно:
В пустоте многогранной
Я как в чаще лесной.

Никого абсолютно
Не хочу огорчать.
День я прожил уютно
У Творца на харчах.

Снег ничем не обижен,
Снег танцует кадриль,
И трамвай возле биржи
От звезды прикурил.

В этот холод трескучий
В деловом январе
Мне представился случай
Помечтать на дворе.

Мне пришлось очень спешно
Покачать головой
И с бурлацкою песней
Зашагать по кривой.

Поглядев на дорогу,
В замороженный сад,
Я представился Богу,
Оглянулся назад

И эпохе великой,
Что шагает как слон,
Я отвесил улыбку
И подвесил поклон.

И немного помешкав,
Поразмыслив чуть-чуть,
Я как черная пешка
Снова тронулся в путь.

Все вертится, все крутится,
Все движется вперед.
Железная распутица —
И та не отстает.

Куда все это катится —
Сам черт не разберет.
Назад стремится качество,
Количество вперед.

Веселый и общительный
Морозец на посту.
Он каждого решительно
Встречает как пастух.

Он лезет ныне к каждому
И руки крепко жмет.
Порою даже кажется,
Что он куда-то гнет...

Горят огни неистово,
Горят огни чудес.
За двери кто-то выставил
Большую букву „S“.

Над вывеской, под нумером,
Терплю я с чувством юмора.

Живет со мной Германия
Во сне и наяву,
Живет и ноль внимания
На то, что я живу.

Германия, Германия,
Задумалась ли ты,
Какая это мания
Преследует мосты?

Какая эпидемия,
А, может быть, чума

Толкает заведения
В публичные дома?

Довольно круглолицая,
Широкая в плечах,
Колышится полиция
В холодных кирпичах.

Уверено, внушительно
Заснули важным сном
Подвыпившие жители
За выбитым окном.

Заснули — кто с мелодией,
Кто с шапкой на плече,
Кто с думою, кто с родиной
На выбитом лице.

Свалила дума мерзкая
Ивана и Петра.
Покрой же, ночь немецкая,
Их лица до утра.

РИСУНКИ НЕ С НАТУРЫ

1

Биография кончилась. Бог с ней. Проворно
Начинается жизнь. Уже плещется след.
Начинаю облаву на рифмы, на волны,
На тени, на темы, на южный рассвет.

Никогда, никогда не стоял на коленях.
И свечей никогда, никогда не душил.
Шел я медленно строчкою узкоколейной
И над бездною глаз никогда не тушил.

Удивительно: сны мои ярки как зебры,
Полосатая явь моя вся на виду.
Но ресницы, но руки, но звуки — как дебри;
Никогда, никуда я от них не уйду.

Слышу голос: он тонко и больно очерчён
И на черной поверхности он укреплен —
Голос скрипки из черных консервов концерта —
Он немного пришиблен, придавлен рублем.

Вижу город, судьбою заброшенный в горы.
Горы тоже заброшены — как сухари.
Город горько дымит, улыбается с горя —
Он стоит как на полке и плачет с горы.

2

Замечательно: солнце, соната и сосны.
Где найти мне для музыки чистый сосуд?
Аккуратные марши качают насосом
И ленивые вальсы из пальцев сосут.

По соседству раскинулись бездна и бизнес,
И над ними изделия из облаков.
Хорошо прогуляться тропой рукописной
И попасть в навигацию шляп, каблуков.

Тонким вечером, ночью томительно-близкой,
В час, когда возникает на прошлое спрос,
Мучит всё вдруг: и ландышей белые брызги,
И разбитые чарки чернильниц и роз.

В час, когда ночь так зверски похожа на панцирь
И когда от луны остается банан,
Еще мечется стая безропотных пальцев,
И написанный стих мучит как трибунал.

Еще теплится цель. Еще целятся цены.
И ошибка как сказка, как краска свежа.
Далеко или близко до блеска и цели?
Мне осталось
два слова,
два сердца,
две жизни связать.

СОДЕРЖАНИЕ